

A black and white portrait of Alexander Shirvinidze, a man with a beard and glasses, looking slightly to the right. The background is dark and out of focus.

Александр Ширвиндт

*В промежутках
между*

18+

Александр Ширвиндт
В промежутках между

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 792.07(47)+791.43(47)+929Ширвиндт
ББК 85.334.3(2)6-8+85.373(2)6-8

Ширвиндт А. А.

В промежутках между / А. А. Ширвиндт — «Азбука-Аттикус»,
2017

ISBN 978-5-389-14141-4

Вся наша жизнь – это существование в промежутках между. Между юбилеями и панихидами, между удачами и провалами, между болезнями и здоровьем, между днем и ночью, вообще, между рождением и смертью возникает пространство, когда человек вынужден подумать. А когда начинаешь думать, то рефлекторно хочется поделиться чем-нибудь с кем-нибудь, кроме самого себя... Александр Ширвиндт Книга содержит нецензурную брань

УДК 792.07(47)+791.43(47)+929Ширвиндт
ББК 85.334.3(2)6-8+85.373(2)6-8

ISBN 978-5-389-14141-4

© Ширвиндт А. А., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Между прочим	6
Между нами	8
Юз Алешковский	9
Я	11
Аркадий Арканов	12
Я	15
Светлана Безродная	16
Я	17
Между тем	18
Между нами	21
Владимир Васильев	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Ширвиндт

В промежутках между

Иллюстрации: Наталья Колпакова

© Ширвиндт А. А., текст, 2017

© Рост Ю. М., фотография на обложке

© Колпакова Н. А., иллюстрации

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

КоЛибри®

* * *

Между прочим

Вся наша жизнь – это существование в промежутках между.

Между юбилеями и панихидами, между удачами и провалами, между болезнями и здоровьем, между днем и ночью, вообще, между рождением и смертью возникает пространство, когда человек вынужден подумать. А когда начинаешь думать, то рефлекторно хочется поделиться чем-нибудь с кем-нибудь, кроме самого себя. Иллюзия значимости бросает в пучину ностальгии. Поэтому данная так называемая книга – это робкая попытка автонекролога.

Стариков тянет на сантименты. Сантименты – это воспоминания. Воспоминания – это или склеротический винегрет, или выдуманная нынче «историческая правда».

Моя подруга и помощница Лиана Бединадзе придумала подарить к 80-летию начальника (то есть меня) поздравительную расшифровку его (то есть моей) телефонной книжки. Ход не новый, но подвиг заключался в добывании поздравлений – чтобы человек искренне прокомментировал нахождение себя в алфавитном порядке в моем ветхом телефонном справочнике.

Любимое издательство предложило мне опубликовать эти поздравления. Я бурно заартачился и прикинулся скромным, но меня стали успокоительно убеждать, что предложение исходит не от меня, и это алиби. Тогда мне подумалось, что, во-первых, необходимо успеть ответить друзьям, которые стали стремительно уходить (многим ответить уже не успел), а во-вторых, зачем действительно пропадать добру. Добру во всех смыслах. Преувеличенной добротой, любви ко мне и добротности мыслей, юмора и разоблачений в мой адрес. Чтобы не связываться с почтой или, не дай бог, с айфонами, решил прокомментировать оценки друзей.

Итак, открываем юбилейную телефонную книжку.

Между нами

Юз Алешковский

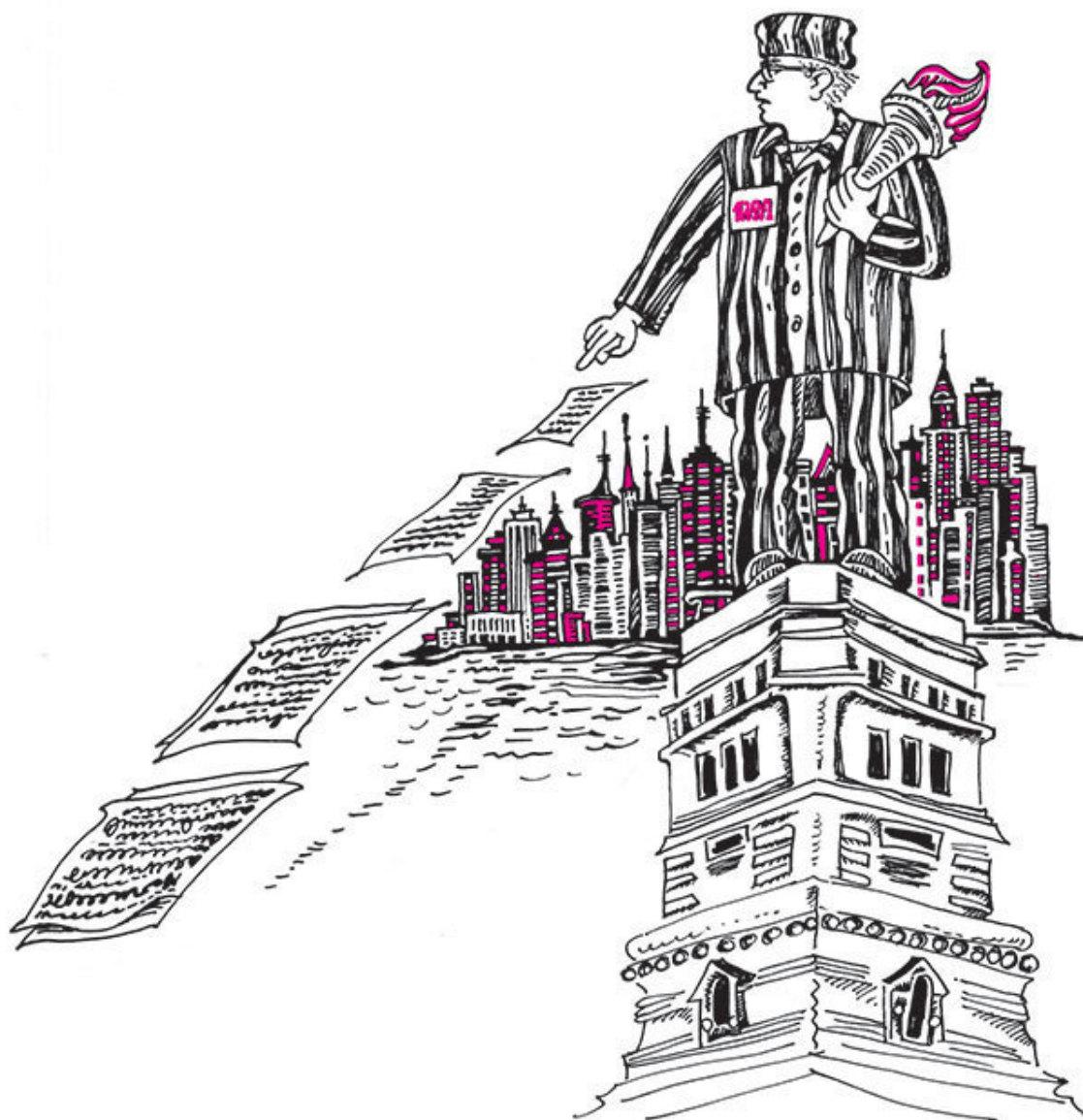
На склоне дней и лет многое в жизни становится ясным, хотя ум и душу продолжают настойчиво доставать неразгадываемые загадки некоторых замечательных явлений.

Не перечислить профессий, должностей и призваний персонажей, всегда готовых быть выраженными комедийно, иронически, сатирически, полагаю, и трагически актером Ширвиндтом – всенародно известным гением перевоплощения.

Единственно, каких ролей, исполняемых им, почему-то ну никак, ну никогда не мог я себе представить – это ролей душиителя свободы, или отвратно злобного тирана, или туповатого, самовластного, изощренно хитрого деспота.

Сегодня меня вдруг осенило. Дело-то, думаю, в том, что основная стихия актерского существования Юбилера, в которой чувствует он себя как вольная рыба в воде, а рыбак на берегу речном или озерном, – это стихия Смеха!

Да, да, именно Смеха, неподвластного ни одному из зело сурьезных тиранов, Смеха бесстрашно-смелого, смею думать, почитаемого Божествами Жизни и Искусств гораздо глубже и охотнее, чем все остальные качества и способности Человека, еще и потому, что Смех есть явление поистине непредвиденное, точнее, Он единокровное дитя подлинной Свободы, даже когда звучит на пустом месте.

И, если бы не Он, не многоликий Смех, связанный в нашем сознании не с клоунадной, не со скоморошьей, не с анекдотичной манерой «лишь бы насмешить», а с загадочным свойством дара внешне и внутренне аристократичного Ширвиндта, полным молчанием иногда повергающего в хохот зрителей и друзей, – если бы, повторюсь, не Он, не многоликий Смех, с чудотворной веселостью оркестрованный Духами Любви, Веры и Надежды, то во многом чудовищно страшная атмосфера жизни прошлого и начала нынешнего века – жизни, пахнущей коллективным суицидом, – ей-богу, была бы близкой к неотвратимой невыносимости.

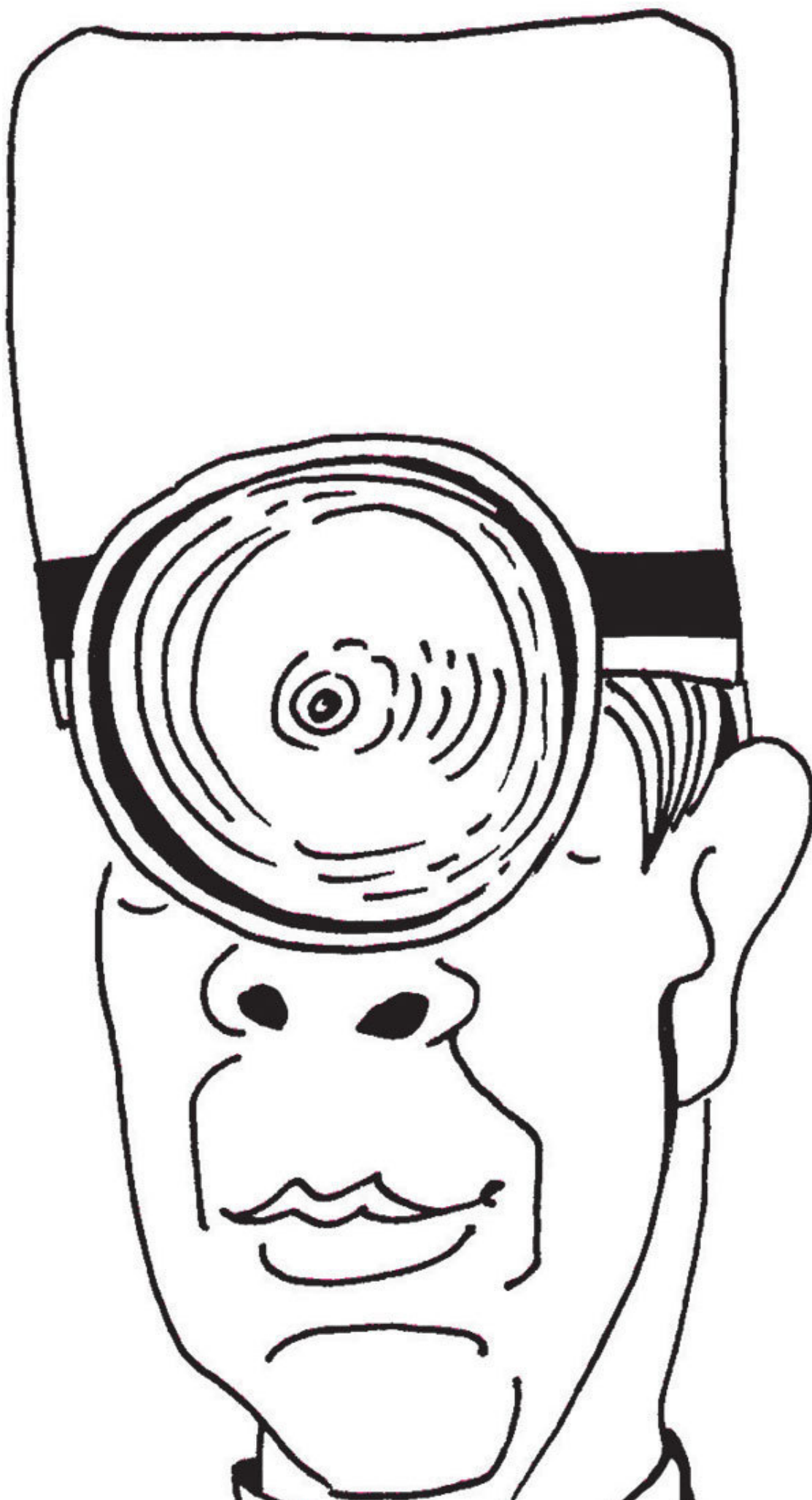
Я

Как редкая птица долетит до середины Днепра, так редкий читатель доплывет до конца Юзовой фразы. Но кто осилит, вдохнет полной грудью уже на том ее берегу, ощутит наслаждение, приближенное к половому, и затихнет расслабленно перед новым вожденным нырком в прекрасное. Я его люблю и пользуюсь взаимностью, что меня дико возвышает.

Юзик живет в далекой Америке и, несмотря на каждодневно меняющиеся санкции в международных отношениях, находит в себе силы и деньги звонить мне и долго говорить, что он соскучился. Я пытаюсь в ответ звонить ему, несмотря на те же санкции и курс рубля, но не успеваю, потому что первым звонит он.

Аркадий Арканов

*Шуре – Александру Анатольевичу, сыну Раисы Самойловны, мужу
Таты, отцу Миши, просто артисту – от одного знакомого.*

*Шура! Я немногословен.
Я тебя поздравить рад.
Пожелать хочу здоровья!
(Так банально говорят.)*

*В этом суть любого тоста,
Но здоровым быть непросто,
И как психофармацевт
Я придумал свой рецепт.*

*В жизни надо быть культурным.
Это часто стоит крови.
Легче словом нецензурным
Сохранить свое здоровье.*

*Это подлинная мука,
Если рядом шьется сука,
Лезет в душу, докучает...
А пошлешь – и полегчает,
Хоть порой тяжеловато
Выражаться «губерматом».*

*И без неприличных слов —
ШУРА! ШУРИК! БУДЬ ЗДОРОВ!*

Докторишка Аркан

Я

Трогательный, незаменимо-необходимый, болезненно-скромный, красивый, музыкальный, верный во всем, несуетливо-проникновенный, внешне вечно невозмутимый и оттого более ранимый Аркаша Арканов...

Как-то мы писали очередную программу и должны были куда-то лететь – не помню, то ли к композитору Тофику Кулиеву в Баку, то ли к музыканту Константину Певзнеру в Грузию. Аркан с Женечкой жили тогда в малюсенькой однокомнатной квартирке на первом этаже дома на Садовой-Самотёчной, плечом к Театру кукол. Я на такси заезжаю за соавтором, влетаю в жильё и вижу, что Аркан спит на кухне, на полу под одеяльцем, выдворенный Женечкой из комнаты за очередную провинность. Я кричу: «Аркан! С ума сошел?! У нас самолет через час!» Он говорит: «Я готов» – и скидывает одеяло. Он – в концертном костюме, галстуке и лакированных ботинках. У него всегда была готовность № 1.

Чем только мы с Арканом не грешили: в полувековой совместной биографии – театр, капустники, эстрада, цирк, юбилеи, вино, бега, трубки. Все параметры жизни у нас были идентичны, кроме одного: Аркан никогда не сидел за рулем. Его возили жены и я.

Давал я как-то интервью. И почти на каждый вопрос о друзьях отвечал: «Ныне покойный...» Веселенькая беседа получалась.

Кто-то придумал, что о покойниках либо хорошо, либо ничего. А о живых?

Круг стремительно сужается. Сейчас у меня три трубки Олега Янковского, четыре – Гриши Горина, две трубки Аркаши Арканова. Не хочу больше трубок.

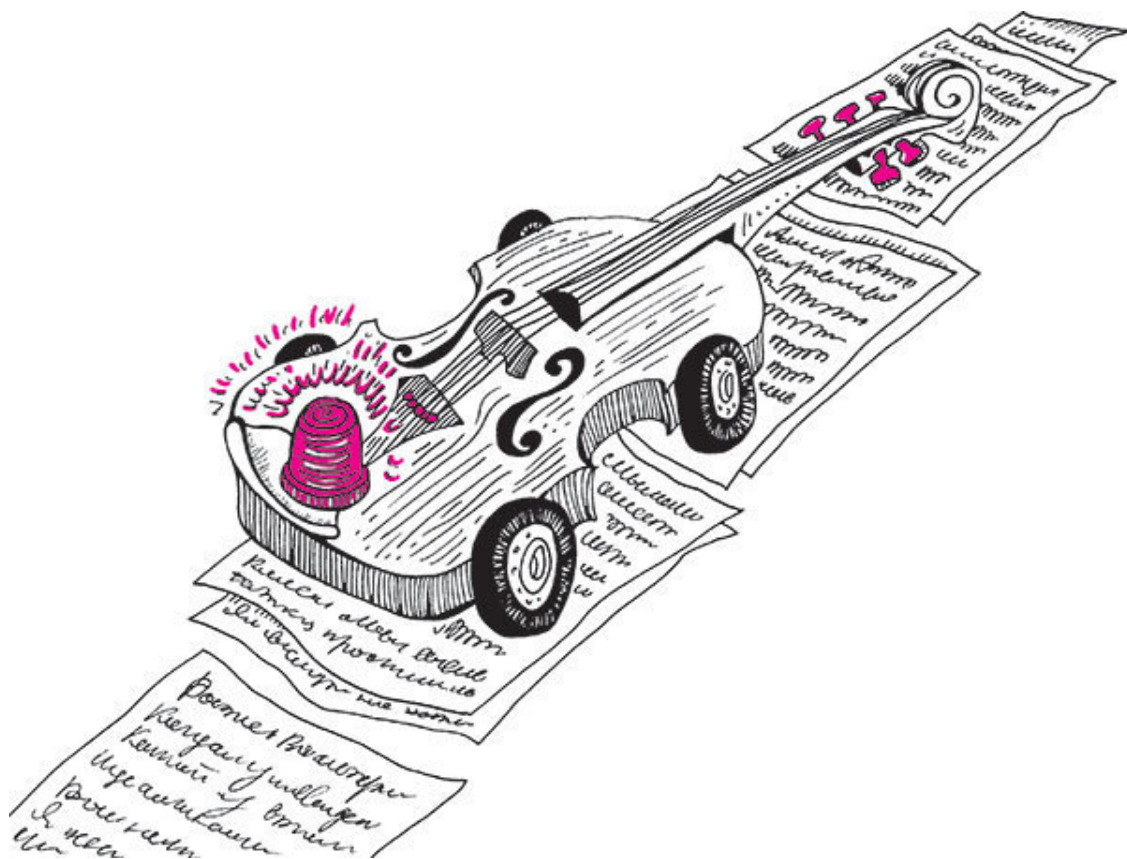
Светлана Безродная

Маска, я тебя знаю... Да, я знаю, что на самом деле скрывается за этой столь всем хорошо знакомой и столь всеми любимой маской скептика, мачо, коему мнится, что ему заранее ведомы все превратности судьбы, все радости и печали, выпадающие на нашу долю, все слабости человеческой природы...

Никогда не забуду тебя, взлохмаченного, в наспех наброшенном кимоно, когда ты вместе с еще маленьким в ту пору внуком Андрюшкой прямо среди ночи на своем джипе в нашем родном поселке НИЛ примчался спасать меня, задыхающуюся, чуть не теряющую сознание, с застрявшей рыбьей костью в горле. Сгреб в охапку, влил в горло лимонный сок. Увез в Истру, в больницу, – спасал.

Да, ты по натуре – спасатель. Блистательный актер и режиссер, ты так же тихо приходишь на помощь своим молодым коллегам, когда у них не ладится с постановкой нового спектакля. А потом, в сущности, поставив его, отходишь в сторону и даже не выходишь на премьеру на поклонны, отдав все лавры им, дебютантам. Ответ у тебя один и тот же: «Ну, помог, на то я и худрук, чтобы помогать». Да, худрук. А еще – Учитель с большой буквы. Потому они, молодые, по сути, тоже твои дети, называют тебя «папа Шура». В этом – любовь и признание, высшая награда для наставника.

Светлана Безродная и подписывающийся под каждым словом Слава Черный

Я

Меня с раннего детства окружают скрипачи. Первым меня окружал папа, безнадежно пытавшийся приобщить сына к музыкальному клану. До 6 класса меня держали в музыкальной школе, а потом весь ее коллектив пришел к папе и со слезами на глазах сказал, что, несмотря на огромную любовь к нему как к педагогу, человеку и отцу, вынужден прогнать меня к... Последней каплей стал экзамен по сольфеджио, на котором я с удивлением узнал от педагогов, что в музыке существуют два ключа – скрипичный и басовый. Папа сдался. Слезы в семье. На время скрипка исчезла. Потом я прибрлудился к поселку НИЛ – «Наука, искусство, литература». За забором оказалась семья Ойстрахов. Игорь Ойстрах пиликал целый день и тем самым страшно возбуждал папу и мою скрипичную ретронесостоятельность. Потом Игорь уехал, а я переселился в другой дом в этом же поселке, но тут, как назло, появилась Света Безродная, которая пилила круглосуточно. Кругом пили, орали, жгли костры, катались на автомобилях и бессмысленно ржали, и над всем этим как жуткая уккоризна звучали гаммы. Светочка вернула меня к инструменту. И даже заставляет в дни ее шикарных вечеров со сцены Концертного зала имени Чайковского пропиликать что-то на скрипке – очевидно, чтобы публика поняла, что я дико музыкален и, кроме своего основного производства, которое находится за стенами зала Чайковского, – Театра сатиры, еще прекрасно владею несколькими нотами.

Между тем

Очередная, пусть некруглая, но все равно святая дата – годовщина Дня Победы. Все пустынной скверик у Большого театра. Все меньше головной боли у префектов по поводу поисков достойного жилья для ветеранов, все меньше белых пятен для поисковых энтузиастов безымянных захоронений.

О войне столько написано, снято, сыграно, документально придумано, что найти щелочку в воспоминаниях трудно. Но она все-таки есть. Например, артист на фронте. Не артист-солдат, которых тоже было очень много, а артист во фронтовых бригадах. На всех фронтах Великой Отечественной войны «гастролировали» такие бригады. Судьбы их драматичны, а порой и трагичны.

Уникальный театральный деятель прошлого века Борис Михайлович Филиппов, возглавлявший в лучшие годы Центральный дом работников искусств, а потом, до самой своей кончины, курировавший Центральный дом литераторов, создал литературный мемориал артистам-фронтовикам в книге «Музы на фронте». Там скрупулезно, трогательно, а главное – стопроцентно достоверно описываются одиссеи актерских бригад – весь спектр их военных передвижений.

Борис Михайлович создал летом 1941 года первую такую бригаду. Они были очень мощными по составу и разнообразными жанрово. Например, одна бригада целиком состояла из ведущих артистов Большого театра. Ее возглавляла великая Валерия Барсова. В составе были Лепешинская, Мессерер и т. д.

Замечательный чтец Сергей Балашов с бригадой дал более 600 концертов на фронте. Кстати, очень поучительно сегодня напомнить шоу-бизнесу, что в те трудные времена артисты на свои деньги строили военную технику. Летали самолеты «Леонид Утесов», «Клавдия Шульженко», а танк «Сергей Балашов» дошел до Берлина.

Я говорю об этом не понаслышке. Во-первых, по старости, а во-вторых, потому что одной из актерских бригад руководила моя матушка. В составе бригады были великий актер и чтец Дмитрий Журавлев, замечательная самобытная исполнительница русских песен Лукьянченко, юмористы Тоддес и Домогацкая, советско-китайский иллюзионист Ван-Тен-Тау и мой отец. Вел концерт седовласый высоченный аристократичный джентльмен с тростью с набалдашником из слоновой кости и с фамилией Про. Филиппов пишет в книге: «Одним из музыкантов, связавших свою жизнь с фронтом, был А. Г. Ширвиндт. Единственное, что его волновало, – это сохранность хрупкого инструмента – скрипки, без которой его пребывание в бригаде теряло бы всякий смысл. При тряских переездах по проселочным дорогам он прижимал футляр со скрипкой к груди, как любимого ребенка».

История со скрипкой имела свое продолжение. Папа не только играл соло во фронтовых концертах, но также из-за отсутствия фортепиано аккомпанировал балету и оперной певице Деборе Пантофель-Нечецкой. И вот во время одного из переездов в машину с артистами попал большой осколок снаряда и раздробил папину скрипку. Когда артисты приехали на место концерта, то доложили начальству о возникшей ситуации и невозможности выступления. Армейское начальство (а это оказался – ни больше ни меньше – штаб Конева) сказала подчиненным: «Достать скрипку». Шел 44-й год, трофеев было уже достаточно. Через некоторое время по приказу Конева привезли три скрипки, папа выбрал одну, и концерт состоялся. После войны папа преподавал и играл на этой скрипке в оркестре Большого театра. Инструмент был мастера Гобетти с удивительным звуком.

Прошли годы, и папа показал скрипку профессору Янкелевичу, своему приятелю, который определил, что в нижней деке завелся червячок и скрипка погибает, надо срочно что-то делать, если еще не поздно. Скрипка оказалась у Янкелевича. Не знаю, боюсь клеветать на

большого мастера, но, так или иначе, червячка (если он был), очевидно, вывели, и скрипка попала впоследствии в руки ученика Янкелевича – Владимира Спивакова. Папа был бы счастлив, если бы узнал об этом.

И вот в Большом зале консерватории состоялся тысячный концерт «Виртуозов Москвы». Незадолго до этого события мне позвонил Володя Спиваков и сказал, что настало время публично отнять у него скрипку и как раз подвернулся удачный случай – юбилейный концерт. Мы вышли с незаменимым Державиным на сцену Большого зала, я отнял у Спивакова скрипку, рассказал эту душещипательную историю, он подтвердил, что скрипка моя, и я ее схватил и сыграл десять нотных строк из одного концерта Вивальди (кульминации моего скрипичного образования) в сопровождении «Виртуозов Москвы», правда, при дирижировании Державина, что несколько снижало трогательность момента.

Бедный мой папа! Мог ли он себе представить, что не пройдет и семидесяти лет и его непутевый сын будет играть на трофейной скрипке в Большом зале консерватории в сопровождении «Виртуозов Москвы» перед уникальной по составу аудиторией, в присутствии первого президента России Ельцина и Жванецкого...

День Победы – великий и, пожалуй, самый неподозрительный праздник нашей Родины. Время стирает память, тускнеет прошлое, а иногда очень хочется искренне осветить былое и напомнить о чем-то и о ком-то, кого знал и обнимал 9 Мая.

Когда круглогодичного ажиотажа с расширением тротуаров еще не было, а что-то в благоустройстве Москвы для наглядности надо было обозначить, перетаскивали Пушкина через улицу Горького туда и обратно. Дорого, бессмысленно, но – деятельность. Только позже я понял, зачем его передвигали: его помещали поближе к ресторану Дома актера, что до пожара находился как раз на углу улицы Горького и Пушкинской площади.

Ресторанов в Москве того времени насчитывалось немного, работали они до 22–23 часов, попасть в них оказывалось дикой проблемой, и поэтому кабаки при домах интеллигенции были элитны, вожделенны и маняще недоступны. Работали они чуть-чуть дольше обычных, вход туда (официально) был только для членов союзов (кино, архитекторов, артистов, композиторов и так далее). Судорожно разгримировавшись после спектакля, актер стремглав летел на Пушкинскую площадь, чтобы всеми правдами и неправдами проникнуть в переполненное родное заведение и успеть на свои скромные пять рублей выпить водки под знаменитую капусту ресторана Дома актера.

В дверях ресторана стоял двухметровый швейцар Дима – непреклонный цербер, мужественно закрывавший грудью амбразуру входа, дабы в святая святых мельпоменовского алкоголизма не просочилась инородная пьянь. Кем и как только ни обзывали стража жаждущие проникнуть внутрь, чем только ни грозили, он стоял насмерть. Конечно, кое-какие поблажки он (при своей мизерной швейцарской зарплате) делал, но сугубо выборочно, в меру и стыдливо. И вот как-то 9 Мая (год забыл) мы ринулись после спектакля в Театре имени Ленинского комсомола, в котором я тогда служил, в родную ресторанный обитель – благо там рядом, чтобы успеть отметить великий праздник. В вестибюле была непривычная тишина, толпа жаждущих смиренно жалась к дверям и взирала на Диму, стоявшего на своем посту в швейцарском кителе, на котором сиял (что там Брежнев) иконостас военных орденов и медалей. Парадокс и удивление.

Вот Евгений Весник. Любимый Женечка. Казалось бы, совершенно оголтелый богемный персонаж, фонтанирующий хулиганством, бесконечной иронией и бесшабашным безумием. Прошел солдатом всю войну, имел огромную «копилку» наград и иногда с необыкновенной исторической достоверностью и негодованием разбирал те или иные бездарные и трагические

просчеты полководцев. Он мне рассказывал, как, едучи со съемок из Ленинграда, по недосмотру адъютантов оказался вдвоем в купе с главнокомандующим войсками одного из наших фронтов. Маршал признал актера и, поняв, что он фронтовик, разрешил ему и себе скушать пару-тройку бутылок коньяку. Под фронтовые воспоминания.

– Объясните – вот вы же наверняка знаете, – умолял Весник. – Курская дуга! Ведь если бы не просчет с танковой атакой и вовремя зайти...

– А х... его знает... – ответил маршал.

– Вот вы же большой профессионал, – не унимался Женя. – Скажите, как образовался Вяземский котел? Если бы не с левого фланга, а с правого пошли танки, учитывая, что...

– А х... его знает... – разъяснил маршал.

– Я уж не говорю о Бресте – ну зачем, зачем надо было...

– А х... его знает... – уточнил маршал.

И так почти всю ночь. Утром, по прибытии на Ленинградский вокзал, причесанный водой полководец отозвал Женю в сторону и строго сказал:

– Слушай, Весник, я тут ночью что-то разоткровенничался, смотри мне, чтоб ни-ни!

Блистательный конферансье Борис Брунов служил на Тихоокеанском флоте. Сначала был матросом, а потом – в силу обаяния и артистизма – был переведен заведующим клубом флота, где в то время отдельно для командования крутили трофейные фильмы. Боря среди дня тихо проводил друзей на балкон зала, они ложились на пол и до начала сеанса лежали не шелохнувшись. Когда внизу рассаживался генералитет и гас свет, они тихонько поднимались и смотрели кино. Однажды Боря таинственно сказал: «Сегодня один раз будет показан документальный фильм “Смерть Риббентропа”, ложитесь заранее, чтоб вас никто не видел». Когда погас свет, на экране возникли титры «Жизнь Рембрандта».

9 Мая Боря вел концерты, заменив привычное канотье бескозыркой и матроской, увешанной орденами.

Каждый год 9 Мая на даче Гердтов в Пахре собирался узкий круг фронтовиков. Они никогда не говорили о войне. Они о ней долго молчали.

У меня 9 Мая на столе стоят стопочки водки, покрытые кусочками черного хлеба. Это рюмки моих ушедших друзей-фронтовиков: Зямочки Гердта, Пети Тодоровского, Миши Львовского, Булата Окуджавы – и моего любимого двоюродного брата Бобки. Я с ними чокаюсь и выпиваю.

Между нами

Владимир Васильев

Для всех друзей ты – просто Шура.

Твоя внушительная статъ, авторитетная фигура

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.